

Даже будучи дурачком, Лян Цзивэнь внушал им достаточный страх. Он обладал врожденной богатырской силой: в пять-шесть лет мог поднимать то, что под силу только взрослым мужчинам, и делал это без особого труда. К семи-восемью годам он уже мог поднять камень больше двух взрослых, не говоря уже о том, что недавно в одиночку убил взбесившегося дикого кабана, хотя и сам получил серьезные ранения. Но что такое ранения? Взрослый мужчина мог бы и не справиться с таким кабаном, а Лян Цзивэнь мог бы раскидать таких, как они, одним ударом.

Сунь Вэньчжи с компанией, испугавшись, убралась восвояси. Лян Цзию еще кипел от злости и твердо решил, что в школе обязательно отыграется на них!

Неизвестно, была ли это наследственность или фэншуй, но все в их семье, и взрослые, и дети, были здоровее обычных людей. По крайней мере, он мог без страха противостоять двоим сверстникам.

На самом деле это не было ни наследственностью, ни фэншумом. Если бы это было наследственностью, то почему бабушка Лян, старшая тетья Лян, мама Лян, третья тетья Лян, дедушка по материнской линии и дядя тоже обладали таким крепким здоровьем? Если бы это был фэншуй, это тоже не сходилось: дедушка по материнской линии и семья младшей тети не жили с ними!

Настоящая причина заключалась в Лян Цзивэне. Его пространственное хранилище каждые десять дней вырабатывало каплю бесцветной и безвкусной воды, похожей на чудесный источник из романов. Как только капля появлялась, он, находясь в ясном уме, подмешивал половину в их бак для питьевой воды. Количество было мало, да и сильно разбавлялось, так что заметить изменения было трудно, но из-за накопительного эффекта за долгие годы здоровье всей семьи стало крепче, чем у обычных людей.

Что касается дедушки по материнской линии и семьи младшей тети, то они получали эту воду отдельно, когда им привозили гостинцы.

Лян Цзию, недовольный, надул губы, но руки его крепко держали Лян Цзивэня, словно тот был хрупкой фарфоровой куклой.

Лян Цзивэнь предложил ему пойти поиграть одному, и глаза Лян Цзию загорелись, но он твердо покачал головой:

— Старший брат, я буду с тобой.

Лян Цзивэнь много раз уговаривал его, но Лян Цзию упрямо отказывался, трясая головой так, что у того перед глазами все поплыло.

— Я не пойду вглубь гор, я просто прогуляюсь у подножия, — заверил Лян Цзивэнь. — Да где здесь столько зверей? Я тут уже сколько лет гуляю, и если бы звери тут каждый день водились, я бы давно попал в беду.

Их деревня стояла у подножия бесконечной гряды гор. Звери там водились, даже стаи волков появлялись, а также тигры и медведи, но это было глубоко в лесу. В их районе таких зверей почти не видели, только тот кабан случайно забрел в ярости.

К тому же, с умениями Лян Цзивэня, если зверь не встретит его — ему повезло, а если встретит — зверю не поздоровится. В прошлой жизни он жил в мире, где все владели боевыми искусствами, даже иностранцы знали базовые приемы, опубликованные Поднебесной, поэтому

звери, прошедшие жесткий естественный отбор, были довольно опасны. Даже обычные домашние питомцы имели некоторую убойную силу, не говоря уже о диких зверях.

Поэтому для Лян Цзивэня это не было проблемой. Если бы он в ясном уме не мог гарантировать свою безопасность, то мог бы сейчас пойти и разбиться головой о стену.

Как бы Лян Цзивэнь ни уговаривал, Лян Цзию не соглашался, и в итоге Лян Цзивэню пришлось уступить, разрешив ему пойти с ним к подножию.

Место, куда они направились, называлось гора Силян. Там росли густые леса, но даже в засушливые голодные годы туда мало кто ходил. Ходило множество страшных легенд об этом месте. Хотя там было богатых припасов, опасность тоже была велика: одного того, что там легко заблудиться, было достаточно, чтобы многие боялись туда и соваться. Не говоря уже о том, что это был путь, по которому часто выходили звери, и люди часто слышали их вой.

Лян Цзию, немного испугавшись, прижался к руке Лян Цзивэня и тихо сказал:

— Старший брат, давай вернемся, здесь как-то не по себе.

— Ты возвращайся, я тут знаю каждый уголок, для меня тут ничего страшного, — Лян Цзивэнь был одним из немногих в деревне, кто осмеливался ходить туда. Кроме него, туда ходили только несколько опытных старых охотников, но и те боялись заходить далеко: дальше начинался проход, соединяющий десятки гор, и это было очень опасно.

Лян Цзию смотрел на Лян Цзивэня с восхищением. В душе он боялся, но крепко держался за брата. Хотя Лян Цзивэнь считался дурачком, в его глазах он всегда был большим героем. Такое страшное место, а его брат, не достигнув и десяти лет, смело туда бегал — это было круче, чем даже старые охотники. Кто бы ни удивился этому.

Раньше взрослые, видя, что Лян Цзивэнь ходит туда, тоже пошли за добычей, но не прошло и получаса, как они не только ничего не поймали, но и чуть не лишились жизни. Их спас Лян Цзивэнь.

Позже эта семья пришла к ним поблагодарить, а деревенские дети стали бояться Лян Цзивэня еще больше.

Когда семья Лян впервые узнала, что Лян Цзивэнь ходит на гору Силян, они чуть не умерли от страха. Уговаривать было бесполезно, и не могли же они держать его взаперти, поэтому они жили в постоянном тревоге. К счастью, Лян Цзивэнь никогда там не попадал в передраги, и семья думала, что он просто бродит по окраине, подбирая кое-что, что их успокаивало.

— Держись крепко за меня, и что бы ни случилось, не отходи далеко, понял? — тихо сказал Лян Цзивэнь.

Лян Цзию послушно кивнул. Даже если бы Лян Цзивэнь не сказал этого, он бы не отошел от него. Как бы он ни был смел и как бы ни ему не хотелось узнать, что там, он все равно боялся. Ведь это же «легендарное» место!

Лян Цзивэнь неспешно шел по горной тропе, а Лян Цзию не мог оторвать глаз. Он помнил себя уже в голодные времена, и хотя в их краях ситуация была лучше, вокруг все равно простирались пустоши. Гора Силян, хоть и пострадала от разных причин, и там стало меньше растений и животных, но из-за своей опасности не подверглась такому разрушению, как другие горы вокруг деревни, которые издавна были похожи на голую желтую землю.

Лян Цзивэнь казался идущим спокойно, но при любой опасности мог среагировать с максимальной скоростью. Это было не нарочно, просто многолетний опыт прошлой жизни вбил этот рефлекс в кости. Он шел, постоянно сканируя взглядом землю. Примерно через полчаса, пока Лян Цзию оглядывался по сторонам в поисках чего-то съедобного, Лян Цзивэнь достал из пространственного хранилища шесть яиц.

Он присел и сказал:

— Смотри, что это?

Лян Цзию, окликнутый братом, на секунду замер, а потом тоже присел рядом. Разглядев то, на что показывал Лян Цзивэнь, он воскликнул:

— Яйца!

Он чуть не подпрыгнул от радости:

— Брат, сколько яиц а-а-а-а!

Лян Цзивэнь смотрел на него с улыбкой, а Лян Цзию, заметив его взгляд, застеснялся:

— Старший брат, ты такой крутой! Неудивительно, что старший брат иногда подсовывает нам вкусняшки.

Лян Цзивэнь велел Лян Цзию спрятать находку, а затем указал на следы на земле:

— Видишь, эти следы оставила дикая курица. Обычно рядом с гнездом дикой курицы можно увидеть такие следы.

Лян Цзивэнь нашел подходящее место и незаметно подложил туда несколько яиц, чтобы у находки было правдоподобное происхождение. Место было выбрано не зря: это действительно было старое гнездо дикой курицы. Возможно, там когда-то и были дикие яйца, но это было в прошлом. Теперь это брошенное гнездо, которое идеально подошло для его урока.

Лян Цзию бережно прижимал к груди яйца, сердце его бешено колотилось. В такое время даже домашние куры неслись плохо, и найти столько яиц было для него настоящим чудом.

Лян Цзивэнь смотрел на наивный вид Лян Цзию, так бережно охраняющего яйца, и ему было одновременно смешно и больно.

Они бродили по горе еще около часа и наконец нашли дикий батат. Лян Цзию покраснел от волнения, положив три худеньких клубенька в плетенку из травы. Лян Цзивэнь повел его обратно к подножию.

Лян Цзию было жалко уходить. Всего за два часа на горе они набрали столько добра, и правда не хотелось возвращаться.